

Бортник С. М.

**Рецензия на: *Ларше Жан-Клод.*
**Лицо и природа. Православная
критика персоналистских
теорий Христоса Яннараса
и Иоанна Зизиуласа. Москва:
Паломник, 2021. 288 с.****

Жан-Клод Ларше (род. 1949) известен русскоязычному читателю по переводам нескольких его книг — в первую очередь, о болезни и исцелении, но также о выдающихся православных подвижниках современности. Сам он основал франкоязычную серию «Grands spirituels orthodoxes du XXe siècle» («Великие подвижники XX века»); на русский язык переведены его книги о преподобных Максиме Исповеднике, Силуане Афонском и других выдающихся представителях православия.

Рецензируемая здесь книга является переводом с французского издания, название которого в оригинале не отражает полемического контекста: «Personne et nature. La Trinité — Le Christ — L'homme» («Личность и природа. Троица — Христос — человек»)¹. Однако в 2015 г. она уже переводилась на сербский язык с названием, идентичным русскому.

Содержание книги вполне отражает ее критическую направленность. Помимо «Введения» (с. 9–34) и относительно небольшой «первой части» («Метод и источники персоналистских теорий Яннараса и Зизиуласа», с. 35–44) вся остальная книга (с. 45–275) — это «часть вторая», носящая название «Проблематичные элементы персонализма Яннараса и Зизиуласа». В этой части помещено несколько глав, и почти все они имеют в своем названии словосочетание «ошибочные последствия»: «Ошибочные последствия для триадологии» (глава II, с. 101–155), «...для христологии» (глава III, с. 155–181), «...для антропологии» (глава IV, 181–231) и «...для духовной жизни» (глава V, с. 232–275). В подпунктах указанных глав во множестве встречается соответствующее описание проблемных моментов: «дисбаланс», «пе-

¹ Larchet J.-C. *personne et nature. La Trinite — le Christ — l'homme. Contributions aux dialogues interorthodoxe et interchretien contemporains.* Paris: Cerf, 2011. 403 p.

реоценивание», «смещение», «минимизация», «обесценивание», «сведение к минимуму», «игнорирование», «редукционистское понимание», «недооценка».

Обращаясь от формы к сути работы, прежде всего, следует указать, каким Ларше видит соотношение между Яннарасом и Зизиуласом. Несмотря на их преклонный возраст, оба они еще живы, и оба относятся к греческому «поколению 1960-х». Всю свою жизнь Яннарас был скорее религиозным философом и никогда не преподавал на православных богословских факультетах на постоянной основе. Зизиулас же до принятия архиерейского сана долгое время преподавал в университетах Великобритании, а с 1986 г. стал одним из ведущих архиереев Константинопольского Патриархата, оставаясь таковым и до сего дня.

О своем понимании соотношения Яннараса и Зизиуласа Ларше достаточно ясно говорит несколько раз. В частности, он утверждает: «Чаще всего мы будем объединять этих двух авторов, поскольку их темы во многом являются общими, в особенности потому, что они основываются на одних и тех же предпосылках персоналистских и экзистенциалистских направлений и черпают свои идеи из многих общих источников» (с. 31). В другом месте Ларше уточняет: «Хотя Яннарас находится под сильным влиянием Зизиуласа, он сам, в свою очередь, повлиял на некоторые оригинальные ходы мысли Зизиуласа» (с. 39).

Наиболее важным представляется такое высказывание Ларше: «То, что подлежит критике в отношении предпосылок, понятий и тем, общих для них обоих, чаще всего ассоциируется именно с Зизиуласом, нежели с Яннарасом» (с. 28). Мне лично представляется, что хронологически ряд тем персоналистского направления появляется сначала в трудах Яннараса; обращаясь к ним позже, Зизиулас стремится эти темы глубже развить и продумать.

На это я указывал в своей книге «Общение и личность. Богословие митрополита Иоанна Зизиуласа в систематическом рассмотрении». Там я специально выделил «экскурс 2» — «Христос Яннарас и “греческая фаза” богословия Зизиуласа». В этом экскурсе я отмечал, что многие богословы, анализируя труды Яннараса и Зизиуласа, действительно ставят их в один ряд, ведь есть множество тем, общих для обоих греческих авторов. Тогда моя формулировка об их соотношении была такова: как в случае развития «евхаристической экклезиологии» о. Николая Афанасьева, так и в случае развития «богословия личности» Яннараса Зизиулас «обращается к тематике, которая была уже патетически представлена его предшественниками. У него же, в конечном счете, можно наблюдать углубление и детальное изложение концепции»².

² Бортник С. М. Общение и личность. Богословие митрополита Иоанна Зизиуласа в систематическом рассмотрении. К., 2017. С. 194.

Возвращаясь к рецензируемой книге, можно отметить, что ее автор претендует на оценку места богословского наследия Христоса Яннараса и митрополита Иоанна Зизиуласа в православном Предании в его целостности. В «Предисловии к русскому изданию» Ларше достаточно радикален в своих оценках. Здесь он отмечает: «Чем систематичнее становилось это богословие... тем больше стало проявляться рассогласований». Логически это приводит к тому, что «Отклонение от патристической традиции должно было стать очевидным для тех, кто сохранил некий инстинкт православия и чувство традиции» (с. 6). Это «отклонение» перерастает в оценке Ларше в «прикрытие»: «Ссылки на святых отцов... были лишь прикрытием для формального одобрения предварительно созданных современных теорий и не соответствовали в действительности мысли святых отцов» (с. 7). Подобная мысль встречается и в другом месте: «Претендуя на то, что они опираются на святоотеческие тексты, они на самом деле трансформируют их с точки зрения их значения» (с. 33–34).

Главная тема в рассмотрении Ларше — это понимание терминов *личность* и *природа* у рассматриваемых греческих мыслителей, которое явно отходит от традиционного патристического понимания. Такое уклонение, по мнению Ларше, перерастает в ересь: «Яннарас и Зизиулас оказываются сегодня представителями новой современной ереси — “усиомахов” (противников сущности)» (с. 7). Борясь с этой «ересью», Ларше надеется, что его книга «внесет свой вклад в возвращение богословов и студентов, которые позволили дать ввести себя в соблазн и обмануться, на правильный путь, следуя подлинной святоотеческой традиции» (с. 8).

Чуть позже он уточняет свою мысль: «Это исследование вписывается в процесс экспликации и углубления православного богословия, которое известно в течение всей истории Церкви как созданное в духе святых отцов и уважения к традиции» (с. 8). Таким образом, в своей работе Ларше не просто стремится оценить вклад Яннараса и Зизиуласа в современную православную мысль, но и пытается сделать это в достаточно претенциозной перспективе — с точки зрения многовековой традиции православного богословия, что существенно усложняет его задачу.

Каково же мнение Ларше о месте Яннараса и Зизиуласа в продвижение персоналистских идей в православном богословии? Об этом он пишет несколько раз, заявляя, в частности следующее: «Подобный экзистенциалистский персонализм вдохновлял таких великих современных богословов, как Владимир Лосский, о. Думитру Станилоаэ или архимандрит Софроний (Сахаров), но в пределах, которые остаются приемлемыми» (с. 5–6). Эти же имена он называет в другом месте, говоря

о богословах, учение которых «отмечено персоналистскими и экзистенциалистскими влияниями», но в основном остается в приемлемых пределах (с. 20). Напрямую персоналистами Ларше называет о. Сергия Булгакова и Николая Бердяева (с. 23).

В своем анализе становления «православного персонализма» Ларше особо подчеркивает его связь с религиозной философией. В частности, он пишет о методе греческих мыслителей: «Концепции Яннараса и Зизиуласа имеют форму философскую, спекулятивную и абстрактную, нередко трудную для восприятия неспециалистами» (с. 19). В другом месте он уточняет: «Персоналистские теории Яннараса и Зизиуласа проявляются в той области, которая по их методу, их формам и их отсылкам принадлежит к религиозной философии. Этот способ мышления очень отличается от того, который принят и практикуется в богословии в православной традиции» (с. 35).

Вместе с тем Ларше прямо описывает положительную привязку этого типа богословия: «[Он] есть тот, который в течение долгого времени существует в богословии католическом и богословии протестантском... Этот способ доминирует в русской богословской мысли второй половины XIX — первой половины XX века у таких известных представителей, как Вл. Соловьев, П. Флоренский, С. Булгаков, и их учеников по “парижской школе”» (с. 35). В продолжение этой мысли Ларше уточняет: «Речь идет о мышлении, которое в качестве источника берет индивидуальный мыслящий субъект, имеет ярко выраженный концептуальный и спекулятивный характер, основывается по преимуществу на философских источниках или смешивает их с источниками святоотеческими или со Священным Писанием» (с. 36).

Такое описание ставит ряд вопросов и без отсылки к трудам Яннараса и Зизиуласа: насколько целостной является «патристическая традиция» (в русском переводе книги оба слова часто пишутся с заглавной буквы) во всем ее многовековом развитии? Как соотносится эта традиция с русской религиозной философией рубежа XIX — XX вв.? Насколько эта последняя приемлема для христианского описания мира и, особенно, для решения проблем современного человека? Насколько богословие и религиозная философия соотносимы между собой? И что не менее важно: как сделать интерес к православной мысли актуальным для современного человека?

На поставленные вопросы можно найти ответы у разных богословов — от о. Сергия Булгакова, трудившегося сто лет назад, до ныне живущего митрополита Илариона (Алфеева). Однако, по всей вероятности, их ответы не могут удовлетворить Ларше — для него указанные мыслители скорее относятся к «прогрессистам (или модернистам)», которые ценят «новаторский аспект персоналистского направления в областях

богословия, церковной, литургической жизни и христианской этики» (с. 12).

Любопытно, что сам Ларше критически высказывается и об «интегристах (или традиционалистах)» за то, что в указанном персонализме они нашли «новую и особенно сильную критику богословия западных христианских конфессий, которое рассматривается как фундаментально эссенциалистское (или субстанциалистское)» (с. 12).

И всё же можно согласиться с Ларше в том, что у персоналистских доктрин Яннараса и Зизиуласа есть существенная проблема. Она состоит «в их радикальности, узком и систематическом характере, принимающем форму квазиидеологическую, т. е. фундаменталистскую, которая дает место всецелой реинтерпретации православного богословия» (с. 25–26).

Ларше критикует не только замену богословия религиозной философией, но и создание греческими мыслителям «законченной системы»: Яннарас и Зизиулас «используют их в рамках мысли, во многом вдохновленной современной философией, в форме некоторой законченной системы, которая тотально реинтерпретирует православное богословие, антропологию, космологию, экклезиологию и духовность» (с. 34).

Здесь представляется уместным поставить под сомнение этот тезис, основываясь на цитате Зизиуласа из его «Лекций по христианской догматике»: «Нет особых причин, почему необходимо представлять христианское богословие в форме системы». Читавшим разнородные тексты Зизиуласа известно, что во многих аспектах своего богословского творчества он не столько строил, сколько опровергал системы: критиковал учебники по православию предыдущих поколений, доказывал сужение перспективы в православных исповеданиях веры, разносторонне критиковал «схоластику»³.

С другой стороны, критикуя богословие Яннараса и Зизиуласа, Ларше не готов автоматически признать правоту богословских подходов, критиковавшихся ими. Об этом он заявляет достаточно четко: цель его книги не защитить эссенциализм или же морализм и пиетизм, субъективизм и т. д., критикуемые двумя греческими богословами. «Мы признаем позитивный вклад этих двух авторов в их настойчивости в утверждении важности аспекта межчеловеческих отношений и в целом общительности... Мы признаем также их озабоченность учитывать современную проблематику и вести диалог с современной мыслью» (с. 33).

³ Подробнее см.: Бортник С. М. Общение и личность. Богословие митрополита Иоанна Зизиуласа в систематическом рассмотрении. С. 112–126.

Осознавая заинтересованность названных выше представителей русской богословской традиции проблематикой персонализма, Ларше различает степени вовлеченности и указывает прежде всего на чрезмерность и заидеологизированность подхода Яннараса и Зизиуласа. В частности, он утверждает: «Гиперэссенциализму и индивидуализму, которые они обоснованно разоблачают, наши два автора противопоставляют гиперперсонализм, также являющийся проблематичным» (с. 33).

Кроме этого, в главе «Бинарный характер мысли Яннараса и Зизиуласа» Ларше заявляет: они «объявляют свои учения как противоположные, причем часто в манере искусственной и натянутой, будь то по отношению к направлению эссенциалистской мысли... или же к современному греческому или русскому богословию» (с. 43–44). Поэтому в конечном итоге Ларше утверждает: «Можно увидеть у них устойчивую тенденцию “вместе с водой выплескивать и ребенка”... Они минимизируют, обесценивают, и часто даже вообще удаляют сущность и природу из своего представления о Боге и человеке» (с. 44).

В результате этого анализа можно поставить вопрос о правомерности критики Яннараса и Зизиуласа со стороны Ларше. В своей книге я и сам называю ряд «контекстуальных издержек» богословия митрополита Иоанна Зизиуласа — редуцированную христологию (когда о Христе практически никогда не говорится); ограничение апофатики (когда схемы, приемлемые для описания человеческого бытия, произвольно переносятся на внутритроичное бытие) и т. д.

Вместе с тем я полагаю, что как Яннарас, так и Зизиулас стремятся пробудить интерес западноевропейского общества к православной традиции через передачу ее опыта в новой терминологии. Например, мне не встречалось, чтобы Зизиулас когда-либо в своих текстах на английском или французском языках, т. е. в работах, направленных вовне и имеющих философско-апологетический характер, говорил о грехе или о молитве. Вместе с тем призыв к радикальной обращенности к Богу, приоритет «личностной онтологии», которая не может существовать иначе, чем в направленности к Богу и ближнему, фактически являются вполне адекватными заменителями привычных терминов в рамках персоналистских и экзистенциалистских концепций.

Подводя итог, необходимо отметить, что книга Ларше, без сомнения, является интересным исследованием с точки зрения понимания развития православного вероучения, так как автор пытается осмыслить место концепций православного персонализма Яннараса и Зизиуласа в общем христианском Предании. Вместе с тем я убежден, что вполне справедливо утверждать наличие в течение двадцати веков хри-

стианства развития богословия различных парадигм — и отцов-каппадокийцев, и преп. Максима Исповедника, и св. Григория Паламы, и ряда других.

Очевидно, что новые этапы развития богословия вводили и новую терминологию. Православный персонализм претендует на то, чтобы быть такой новой парадигмой, отвечающей на запросы окружающего философского контекста. И если его критиковать, то, прежде всего, за крайности и перегибы, а не за сам факт его существования.